

Глава 9. Каждый о своём думает в столице

Пока семейство Цзя всё ещё находилось в пути, в столицу успело прийти письмо, взбудоражившее покой княжеской усадьбы. Отправителем был Гу И. Взявшись за дело со всей серьёзностью, он уже на следующий день выслал гонца в поместье Старшей принцессы Анхэ.

Причиной переполоха было то, что незадолго до этого Гу И, рассерженный очередными матримониальными планами матушки, спешно покинул столицу, оставив лишь записку. Хуже того, он прихватил с собой Сяо Чжиюаня, чем довёл маркиза Уяна до белого каления. Впрочем, в усадьбе маркиза Тунъяня прекрасно понимали: не пожелай Чжиюань уехать, его никто бы не увлёк силой. Ещё вопрос, кто кого увёл. Жаль только, юноша столь искусно носил маску добродетели, что в глазах старших — особенно обитательниц внутренних покоев — оставался идеалом ума, скромности и благонравия.

Стоило командующему пехотой и конницей пяти округов Гу Цяню переступить порог родного дома, как его перехватил управляющий. Узнав, что родители снова не на шутку повздорили, Гу Цянь сразу заподозрил неладное.

«Опять младший напроказил?» — обречённо подумал он.

И предчувствие не обмануло: яблоком раздора стало то самое письмо, что Гу И отправил из Янчжоу.

Гу И разменял уже четвёртый десяток, но так и не обзавёлся семьёй. Старшая принцесса Анхэ, терзаясь чувством вины перед младшим сыном, не смела на него давить и безмерно баловала. Маркиз Уян, разумеется, этого не одобрял. Он в сердцах твердил, что у слепой матери дети вырастают калеками, и именно её потакание развратило Гу И. Но принцесса, чья жизнь текла легко и безмятежно — даже в замужестве она не знала забот, деля ложе с супругом в полном согласии и не терпя в доме докучливых наложниц, — и слушать ничего не хотела. На все упрёки мужа она лишь обиженно заявляла, что тот просто не любит собственного ребёнка.

Войдя в главный двор, Гу Цянь увидел выстроившихся на ступенях служанок и матушек. Все они стояли, затаив дыхание, но при виде молодого господина на их лицах отразилось неприкрытое облегчение. Одна из пожилых служанок торопливо шагнула ему навстречу:

— Старший господин, умоляю, войдите скорее! — пожилая женщина взволнованно засеменила рядом. — Сделайте что-нибудь!

— Матушка Янь, в чём причина разлада на этот раз? — со вздохом спросил Гу Цянь.

Матушка Янь служила принцессе с юных лет и помнила командующего ещё ребёнком, а потому держалась без лишней робости. С тёплой улыбкой она ответила:

— Всё о том же, господин, — улыбнулась та, — о женитьбе второго барина. Ступайте же, помирите их!

Служанки поспешно приподняли тяжёлую занавесь. Переступив порог, Гу Цянь застал родителей в разных углах комнаты: и принцесса, и маркиз сидели отвернувшись, окутанные тяжёлым молчанием.

Поклонившись отцу и матери, он почтительно встал поодаль и мягко произнёс:

— Отец, матушка, — поклонился он, — мне сказали, от младшего брата пришла весть.

— Вот именно! — радостно отозвалась принцесса. — Нашёлся-таки, уговорился. Пишет, что задержится в Янчжоу. Наконец-то за ум взялся.

— За какой ум?! — сердито перебил маркиз Уян. — Взрослый муж, а сбежал из дома, прихватив племянника! Чистой воды ребячество, и всё по твоей милости! Избаловала вконец!

Заметив, что мать уже собирается высказать супругу всё, что о нём думает, Гу Цянь поспешил вмешаться, дабы предотвратить новую бурю:

— Раз уж младший брат уехал в Янчжоу, верно, он остановился у Линь Хая? — быстро спросил командующий.

— Да, именно так, — принцесса протянула сыну послание. — Они ведь дружат с самых малых лет. Пишет, что поживёт у него некоторое время. И просит помочь — подыскать для дома Линь несколько надёжных наставниц по этикету.

Нахмурившись, Гу Цянь бережно принял бумагу и внимательно перечитал строки. Помедлив, он предложил:

— Матушка, заботу о наставницах я возьму на себя, — сказал Гу Цянь. — Предоставьте это мне.

— Глупости какие! С каких это пор мужчины вмешиваются в дела внутренних покоев? — принцесса покачала головой, но тут же вздохнула. — А супругу Линь Хая и впрямь жаль... Уйти из жизни столь молодой. Помнится, я видела её однажды. — Она вдруг оживилась. — Слушай, Цянь-эр, твой брат без умолку нахваливает дочурку господина Линя, твердит, какая она умная да милая, даже удочерить её порывается. Быть может, это знак? Вдруг в нём наконец проснётся желание завести собственную семью? Ведь чужое дитя — хорошо, да своё всё же милее.

Гу Цянь сильно сомневался, что в мыслях беспутного брата таится нечто подобное, однако расстраивать мать не хотелось, и он с мягкой улыбкой примирительно произнёс:

— Кто знает, — мягко ответил старший сын. — Поживёт в Янчжоу, наберётся ума и сам всё поймёт. Не тревожьтесь понапрасну, матушка.

Такой ответ пришёлся принцессе по душе. Она с победным видом посмотрела на супруга. Поймав на себе этот взгляд, маркиз Уян лишь сердито зыркнул на старшего сына, резко взмахнул широкими рукавами и бросил:

— С этого дня я умываю руки, пусть этот негодник хоть на голове ходит!

И с этими словами он стремительно вышел вон.

На следующий день, как только завершилось утреннее собрание во дворце, Гу Цянь сразу же попросил об аудиенции. Будучи двоюродным братом государя и его ровесником, он с малых лет рос бок о бок с ним. Их связывала крепкая, проверенная годами дружба, и после восшествия на престол император всегда видел в командующем свою самую надёжную опору.

Однако нынешний визит никак не был связан с делами государственной важности. Завершив положенный церемониал поклонения, Гу Цянь выпрямился. Государь с добродушной улыбкой оглядел его:

— Что за беда приключилась, раз мой верный командующий явился ко мне с таким мрачным лицом? — спросил государь.

— Ваше Величество, дело, с которым я пришёл, сугубо личное, — тихо произнёс Гу Цянь. — И касается оно великого князя Жуя. Мой младший брат недавно прибыл в Янчжоу и ныне гостит в поместье инспектора соляного надзора Линь Хая.

Улыбка сошла с лица императора. Вздыхнув, он пристально посмотрел на кузена:

— Стало быть, тебе всё известно, Цзыцянь?

Гу Цянь ничуть не удивился осведомлённости государя. Великий князь Жуй годами не смел открыто расспрашивать о Янчжоу, однако сам владыка — как из соображений долга, так и по личным причинам — пристально следил за тамошними событиями. Тайна давно минувших дней оберегалась свято. О ней знали лишь единицы. Даже Гу И в своё время остался в неведении, терзаемый тогда собственной сердечной драмой.

Немного подумав, император спросил о планах кузена, и Гу Цянь, поколебавшись, высказал своё мнение. По правде говоря, ему не хотелось совать нос в чужие дела, но ведь с великим князем Жуем они тоже делили детские забавы. Все эти годы его собственный младший брат метался по свету, но хотя бы оставался волен в своих поступках, в то время как участь

безмолвно угасающего князя вызывала лишь глубокую тревогу.

— По мнению вашего слуги, следовало бы хотя бы сообщить обо всём великому князю Жую, — предложил Гу Цянь. — Минуло столько лет... Быть может, его раны уже затянулись, и он сумел отпустить прошлое.

Договорив, Гу Цянь покаянно опустил голову. И он, и государь прекрасно понимали: надеяться на это глупо. Будь оно иначе, великий князь давно бы обзавёлся семьёй. Его дворец пустовал годами — там не то что наложниц, ни единой лишней живой души не водилось. А стоило заикнуться о женитьбе, как князь тут же просился во главе войска на очередную войну.

Император и великий князь Жуй были единоутробными братьями. Матушка-императрица ушла из жизни слишком рано, и государь, будучи старшим, взрастил младшего брата собственными руками. Когда тот много лет назад точно в безумии воспылал страстью к мужчине, будущий император рассвирепел. Да, тот человек виделся ему будущей опорой престола, но ни один государственный муж не мог сравниться с единственным братом! Тогда вмешался их венценосный отец. Император Кан лично повелел Линь Хаю взять жену, рассчитывая, что несчастный влюблённый одумается. Но вышло иначе. Минуло больше десятилетия, а князь так и не взглянул ни на одну женщину. Он не щадил себя, ища забвения на полях сражений, словно собственная жизнь давно потеряла для него всякую ценность. И государь, и старый император втайне раскаивались в содеянном. Линь Хая не трогали все эти годы лишь потому, что отец страшился нанести сыну новый, теперь уже смертельный удар.

Тщательно взвесив всё, император наконец принял решение:

— Что ж... — произнёс государь. — Ступай и расскажи обо всём великому князю Жую. Если он пожелает как-то вмешаться, мешать я ему не стану.

— Ваш слуга повинуется, — Гу Цянь склонился. — Но как быть с волей августейшего родителя, великого императора на покое?

— Эту заботу я беру на себя. Ступай.

С облегчением вздохнув, Гу Цянь покинул залу. Государь же более не мог сосредоточиться на делах правления. Отложив свитки, он подозвал доверенного слугу:

— Ступай в сокровищницу, — принеси Башню Тайцзи из белого нефрита, что преподнесли мне недавно. Навещу-ка я батюшку.

Евнух поспешно удалился исполнять волю повелителя.

Сложив с себя бремя власти, император на покое перебрался во дворец Юншоу. Со стороны казалось, что престарелый правитель полностью отстранился от дел, однако и он, и его царственный сын отлично знали, чья невидимая длань направляет тайные придворные интриги. Не стой за спиной соперников фигура старого владыки, великий князь Чжунчэн не посмел бы так рьяно плести козни. И всё же слухи, будто батюшка недоволен нынешним государем и замышляет смену власти, оставались не более чем досужими домыслами.

Отец отрёкся от престола из-за пошатнувшегося здоровья, искренне полагаясь на старшего наследника. Из всех своих сыновей он выделил его ещё в юности, определив преемником и окружив особой заботой. Его нежелание полностью выпустить бразды правления объяснялось просто: тот, кто десятилетиями стоял на вершине мира, не может в одночасье отречься от власти. К тому же старый владыка желал закалить характер преемника, преподать ему последние суровые уроки. Ему требовался мирный и плавный переход власти. Пока ныне правящий император не совершит роковой глупости, отец никогда не допустит смуты в Поднебесной. Все же те, кто пытался ловить рыбу в мутной воде, обрекали себя на скорую гибель. Великий князь Чжунчэн с самого начала был лишь послушной фигурой на шахматной доске грозного родителя — пешкой, которую в любой момент могли пустить в расход.

Когда император прибыл во дворец Юншоу, его взору предстала картина полнейшего умиротворения: старый владыка нежился на мягкой кушетке, лениво принимая из рук слуг очищенные плоды. Глядя на эту безмятежность, измученный заботами сын Неба почувствовал укол лёгкой зависти. Он невольно усмехнулся.

«Неужто батюшка с самого начала всё так и задумал? — со смесью досады и восхищения подумал государь. — Власть оставил за собой, а всю чёрную работу взвалил на меня...»

Но стоило престарелому правителю скользнуть по нему мимолётным взглядом, как император поспешил прогнать недостойные мысли. Он шагнул вперёд и склонился в почтительном сыновнем поклоне:

— Ваш недостойный сын желает доброго здоровья августейшему отцу.

Старый император едва заметно кивнул:

— А, пришёл. Присаживайся. — он жестом указал на стул. — Что же привело тебя в мои покои в столь ранний час? Разве государю не надлежит сейчас разбирать прошения в императорском кабинете?

Скрытый смысл вопроса угадывался без труда: отчего же ты праздно проводишь время вместо того, чтобы трудиться на благо государства?

Император обвёл взглядом покои и негромко скомандовал слугам:

— Оставьте нас.

Старший евнух украдкой глянул на старого владыку. Не заметив возражений, он торопливо увёл дворцовую челядь подальше от государевых очей.

— Отец, вести из дома Линь, без сомнения, уже достигли вашего слуха, — император склонился. — Сын желает смиренно испросить вашей воли на этот счёт.

Престарелый правитель даже бровью не повёл.

— Я лишь немощный старик, доживающий свой век в уединении. — Дела двора меня более не касаются. С чего ты взял, будто мне ведомо то, о чём ты толкуешь?

Глядя на это притворное простодушие, император в очередной раз подивился выдержке отца. Тягаться с ним в лукавстве было бессмысленно, а потому государь, подавив вздох, заговорил напрямую:

— Дело касается моего шестого брата, великого князя Жуя, — император перешёл к делу. — Супруга Линь Хая почила. Брат все эти годы упорно отказывался связывать себя узами брака. Августейший отец, как нам надлежит поступить теперь?

Старый правитель слегка сощурился. Перед его мысленным взором предстал образ шестого сына. Шептались, будто государь выделяет иных отпрысков, однако втайне он более всех любил именно этого мальчика. К старшему наследнику, будущему императору, он всегда был суров и требователен, как того велел долг, младшему же прощал многое. Тогда, много лет назад, отец посчитал чувства сына временным помутнением рассудка. Действуя осторожно, дабы не ранить гордость юноши, он предпочёл мягкие меры — сослал соперника и велел тому жениться. Кто же мог помыслить, что в императорском роду взрастёт столь преданный однолюб?

Вздохнув, старик устало произнёс:

— Будь по-твоему, — произнёс старый император. — Поступай как знаешь. Если он захочет ворошить прошлое — мешать не стану. Мне уже всё равно.

В его голосе зазвучала непривычная, тоскливая пустота. Понимая, что батюшка не расположен к долгим беседам, император поспешил откланяться. Главное было сделано: согласие получено, и более никто не посмеет чинить препятствий великому князю.

Тем временем Гу Цянь, покинув дворцовые покои, без промедления направился в резиденцию великого князя Чжунжуя. Осыпанный милостями обоих правителей и прославленный ратными подвигами, князь по праву считался незыблемой опорой престола. Его роскошная усадьба располагалась в самом сердце столицы, у стен Запретного города. Однако из-за того, что сам

хозяин годами не вылезал из военных походов, а внутренних покоев никогда не касалась женская рука, обширное поместье казалось заброшенным и сиротливым.

Всего месяц назад великий князь с триумфом вернулся в столицу во главе победоносного войска. Придворные вельможи выстраивались в очередь, надеясь снискать его расположение, но тщетно: едва сдав командование, Сыту Жуй затворился в своих покоях. Он не принимал гостей, делая исключение лишь для редких визитов во дворец ради сыновнего долга. По столице поползли неизбежные слухи. Обыватели и знать шёпотом гадали, почему статный тридцатилетний муж упорно избегает брачного ложа и ищет лишь смерти в бою — уж не точит ли его тайный недуг? Впрочем, судачили об этом лишь за закрытыми дверями. Коли императорская семья безмолвствовала, простым смертным и подавно не следовало совать нос в дела владык.

<http://bllate.org/book/18189/1752524>